

- ¹⁰ Там же. Д. 32880. Л. 8 об., 17–20, 38 об., 53 об.; Д. 32879. Л. 4 об., 8–10 об., 19–22, 25 об., 47 об., 59; Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края... Табл. 2.
- ¹¹ Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края... Табл. 2; РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879. Л. 4 об., 8–11 об., 18–21, 33 об., 47 об., 60; Д. 32880. Л. 7–8 об., 17–20, 32 об.–33, 46, 51 об.–52, 55 об., 60.
- ¹² РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32880. Л. 12 об.–13 об., 45 об.–46, 53 об.; Д. 32879. Л. 10, 47 об.–48.
- ¹³ Там же. Д. 32879. Л. 4 об., 8–10 об., 24, 46 об., 58 об.–60; Д. 32880. Л. 5–8 об., 12 об.–21, 32 об.–33, 51 об.–60; Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края... Табл. 2.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879. Л. 25, 30 об.; Д. 32880. Л. 8 об.–14 об., 35 об., 38 об., 49, 53–58 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 32880. Л. 8, 12 об.–13, 54 об.–57; Д. 32879. Л. 8 об.–9, 58 об.–59 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 3 об., 7 об., 10, 18–18 об., 24, 47, 48 об.–49 об., 56 об.–59 об.; Д. 32880. Л. 12 об.–13 об., 18 об., 35 об., 45 об.–46, 54 об.–57.
- ¹⁷ Там же. Л. 7 об.–8, 17–19, 35 об., 46 об., 54–55 об.; Д. 32879. Л. 10, 24, 25, 58 об., 60.
- ¹⁸ Там же. Л. 4 об., 8–11 об., 18–25, 30 об., 33 об., 48; Д. 32880. Л. 5–8 об., 12 об.–13 об., 17–20, 34–35 об., 44 об.–55 об., 57, 60, 68.
- ¹⁹ Там же. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1503. Л. 7–8; Д. 1507. Л. 82–97; Д. 1818. Л. 4 об.–10.
- ²⁰ Там же. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879. Л. 4 об., 7 об.–11 об., 47 об., 56 об.–57 об.; Д. 32880. Л. 7 об.–13 об., 15 об.–20, 44 об., 46 об., 53 об.–57, 60–61 об.; Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края... Табл. 2.
- ²¹ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32880. Л. 34–34 об.
- ²² Там же. Л. 32 об.–33. Д. 32879. Л. 12 об., 18–24, 33 об.
- ²³ Д. 32879. Л. 68

С. В. Кольчугина

ПЕНЗЕНСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ВИНОКУРЕННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ (XVIII–XIX вв.)

Пензенский край занимает особое положение в винокуренном предпринимательстве. Традиционно «хлебное вино» производилось в центральных губерниях, но уже в первой четверти XVIII в. благодаря наличию сырья здесь появляются крупные казенные, помещичьи и купеческие винокурни. При этом купцы-винопромышленники находились в менее благоприятных условиях, а достигали порой значительных результатов.

Возможности для купцов извлекать прибыль из производства и продажи водки значительно расширились в начале XVIII в. благодаря указу 1716 г., вводившему в России свободу винокурения. Все винокуры облагались особой пошлиной, исчисляемой и с оборудования (кубов), и с готовой продукции (выкуренной водки). Купечество не замедлило воспользоваться благоприятными условиями, и в 1719–1725 гг. в Пензенской провинции Казанской губ. насчитывалось 8 купеческих винокуренных заводов. Большинство из них принадлежало иногородним купцам — из Москвы, Рязани, Арзамаса, Гороховца. Это были предприятия, ориентированные на товарное производство, основанные преимущественно на наемном труде.

Таблица 1

**Состав работников купеческих винокуренных заводов по сказкам
1719–1724 гг. в Пензенской провинции Казанской губ.**

Владелец завода	Всего работников	В том числе	
		крепостных	наемных
Д. А. Котельников (Лягусов)	2	–	2
Е. Иванов	8	3	5
И. П. Симонов	15	3	12
М. П. Симонов	17	–	17

Преобладание наемного труда на купеческих заводах вполне объяснимо. Купцам никогда не разрешалось покупать людей к винокуренным заводам, а в 1740-х гг. по требованию дворянства у купцов были отписаны все дворовые люди, купленные ими между первой и второй ревизиями. Также сокращение использования принудительного труда обуславливалось ростом рынка рабочей силы. В результате большинство купцов-винопромышленников являлись владельцами 2–4 душ мужского пола (включая детей), а часть их вовсе не имела крепостных.

Дворовые люди при этом пользовались значительным доверием — нередко они выполняли обязанности приказчиков на заводах или их помощников. В таком случае крепостные относились к исполнению порученных им дел очень добросовестно, поскольку часть доверенных агентов купцов получали по завещанию хозяина освобождение и вознаграждение за свою службу. Некоторые отпущенники сами становились предпринимателями. Так, зависимый человек купцов Гороховца С. Н. и М. Н. Ершовых Клим Андреев (позднее Ершов) получил по завещанию награду, позволившую ему стать собственником Почерского винокуренного завода, расположенного в Саранском у. Пензенской провинции.

Крупнейшим винокуренным предприятием Пензенской провинции был Кашнаевский (Шнаевский) завод, принадлежавший московским купцам Ивану Симонову и его сыну Леонтию. Он был основан в 1723 г. и потребовал очень крупных затрат — не менее 10 тыс. руб. В 1742–1743 гг. на заводе было 80 казанов емкостью 1369 ведер, а в 1753 г. — уже 130 казанов емкостью 4820 ведер. Для своего времени предприятие было гигантским: объемы его производства превышали объемы четырех заводов, принадлежавших прежде Симоновым.

Кроме производства водки, купечество извлекало немалую прибыль и благодаря содержанию откупов. Например, тот же Леонтий Симонов взял на откуп с 1727 г. питейную продажу в Пензе и Пензенском у. вместе с рязанским купцом Ф. Демидовым, обязавшись уплачивать в казну по 6858 руб. в год (надбавив 400 руб. к прежнему окладу). Это означало, что откупщики рассчитывали продавать здесь ежегодно не менее 10 тыс. ведер водки¹.

Данное обстоятельство вызывало резкое недовольство со стороны помещиков-винокуров, которым заниматься откупами было запрещено. Уже в конце 1730-х гг. в правительство стали поступать записки, в которых они призывали запретить купцам заниматься винокурением и подрядами вина. В результате в 1753 г. Сенат удовлетворил требования помещиков о предоставлении им прав на продажу вина, разрешив им брать сборы в откупное содержание, а с 1755 г. было принято решение ликвидировать купеческие винокуренные заводы в европейской России (за исключением некоторых северных и восточных уездов)².

Так дворянам было предоставлено монопольное право на винокурение, которое подтвердил устав о винокурении от 9 августа 1765 г.: «Вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому»³. При почти полном отсутствии конкуренции прибыль помещиков значительно возросла. «Винокурение — это Ост-Индия нашего дворянства», — не без оснований утверждал в 1795 г. пензенский вице-губернатор И. М. Долгоруков⁴. Данная ситуация сохранялась вплоть до 1863 г.

Для купцов возможности извлечения прибыли из винокурения сосредоточились исключительно на содержании откупов. По мнению В. В. Похлебкина, это сказалось на русском купечестве чрезвычайно негативным образом. Оно «благодаря водке уже в истоках своего существования стало привыкать не к деятельностному соревнованию и жесткой, заставляющей думать и считать каждую копейку конкуренции, а к паразитированию и наживе на основе злоупотреблений, воровства из казны, фальсификации и ухудшения качества продукта, поскольку именно водочные откупа представляли все эти “редкие” возможности»⁵. Здесь, наверное, уместно отметить, что откупа развращали не только купечество.

Своими впечатлениями об откупной системе поделился пензенский чиновник и мемуарист И. И. Мешков. Назначенный в 1801 г. в Пензу винным приставом, он сменил на этом посту смотрителя над магазинами «купца М...» и сразу столкнулся с мошенничеством. «Вина я принял от него до 230 бочек и начал уже отпускать его откупщику. Принимал я это вино не на меру, а нарезками на бочках, по которым оно потом и отпускал; но у откупщика при продаже вина открылось, что мера в бочках не верна против нарезок; а посему от 250 бочек, по выборе их, он насчитал на меня с лишком 200 ведер». Правда, откупщик особенно в претензии не был, «ибо это ему очень мало значило: вино продавалось тогда дешевле рубля за ведро»⁶.

Другой случай: комиссионер откупщика Н. А. Бахметьева в Пензе, пошехонский купец В. Л. Серебренников «был таким же комиссионером с 1807 по 1811 гг. по рязанским питейным сборам, по которым было большое следствие через сенатора, и Серебренников по именному повелению был лишен честного имени. Но так как упомянутый комиссионер в недавнем пред тем времени сделал одно очень полезное для винокурения изобретение, а сверх того представил свидетельства значительных лиц о благородной своей жизни, то по ходатайству князя Голицына [видимо, речь идет о Г. С. Голицыне, пензенском губернаторе в 1811–1816 гг. — С. К.] не только возвращено ему было честное имя, но всемилостивейше пожалована золотая медаль на анненской ленте для ношения на шее»⁷.

Для некоторых категорий населения винокурение было едва ли не «путевкой в жизнь». Например, в 1791 г. была введена черта оседлости, за пределами которой постоянное жительство для евреев запрещалось. Срок их проживания во внутренних губерниях, как правило, ограничивался сроком действия паспорта — не более 2-х месяцев. По истечении данного срока евреи, выехавшие за пределы черты оседлости на законных основаниях, а также все, находившиеся во внутренних губерниях незаконно, подлежали немедленному выдворению.

Но по отношению к еврейским специалистам-винокурам власти были лояльнее. Они являлись чрезвычайно ценными работниками и заводовладельцы оказывали им всяческое покровительство даже после указа Николая I, когда все евреи-винокуры в порядке борьбы «со спаиванием народа» были выселены из внутренних губерний. Канцелярия пензенского губернатора содержит массу объяснений спиртопромышленников, из коих следует, что «если всех евреев отлучить от винокурения, то заводы останутся». Также были весьма популярны заявления, что «оним евреям [винокурам — С. К.] по неимению надобности отказано, которые [здесь следует дата, обычно за несколько дней до запроса — С. К.] с завода уехали, а куда — неизвестно»⁸.

После ликвидации монопольного права дворянства на винокурение многие специалисты впоследствии широко использовали этот опыт для ведения собственного винокуренного бизнеса, правда, общественного признания они часто не получали. Например, в марте 1908 г. пензенский купец 1-й гильдии Х. А. Пинес, занимавшийся подрядом по развозке казенного вина, писал в местное купеческое общество: «<...> я признаюсь членом купеческого общества в тех случаях, когда дело касается денежного обложения, но, по-видимому, не признаюсь таковым по вопросам о решении наших корпоративных нужд, ибо ни на одно из заседаний Пензенского купеческого общества пригласительных повесток не получал». Ответ губернского правления свидетельствовал о наличии в государственной политике по отношению к еврейскому купечеству определенной дискриминации: «на основании 805 статьи Закона изд. 1899 г. евреи к участию в городских обществах не допускаются <...>, евреи-купцы участвовать в купеческих собраниях не имеют права»⁹.

Значительного коммерческого успеха достиг германский подданный Э. Ф. Мейергольд (1835–1893), начинавший в Пензенской губ. с работы винокуром на заводе Устинова. Позднее, вступив во 2-ю купеческую гильдию, он построил в с. Ухтинке собственный водочный завод, на котором поначалу было 4 рабочих, а в 1880 г. их число возросло до 15. В 1868 г. на заводе было произведено 10 тыс. ведер ликеров, ромов, наливок на 45 тыс. руб. Здесь выпускали ликеры, два сорта рома, бальзам, вишневку, рябиновку, калиновку. Эмилю Федоровичу в Пензе принадлежали фирменный магазин и оптовый склад спиртных напитков как собственного, так и заграничного производства. Он имел разносторонние интересы, особенно покровительствовал театру. В 1880-е гг. Пенза была очень популярна в театральном мире из-за угощений для трупп, устраиваемых Мейергольдом. В. А. Гиляровский, игравший в 1878–1881 гг. на пензенской сцене, имел случай познакомиться с самим хозяином завода и принять из его рук большую рюмку «водки из бутылки, на которой было написано: «Углевка, завода Э. Ф. Мейергольда, Пенза». Ах, и водка была хороша! Такой, как «Углевка», нигде не пил — ни у Смирнова Петра, ни у вдовы Поповой, хотя ее «Вдовья слеза», как Москва называла эту водку, была лучше Смирновской». Несомненно, что этот успех был напрямую связан с личностью самого предпринимателя. Н. Д. Волков, биограф В. Э. Мейерхольда, великого русского режиссера и актера, так писал о его отце: «Выходец из Германии и до конца дней своих германский подданный <...> имел горячий нрав, широкий размах и недюжинную предприимчивость. Человек западной культуры, он вывез из своего фатерланда навыки европейца, привычку к комфорту <...> Он был гурманом, любителем тонких вин и ценителем женщин <...> Россия привила ему черты хлебосольства». Со смертью Э. Ф. Мейергольда его дело завершилось крахом. Его жена Елизавета и старшие сыновья Альберт и Артур были менее удачливы, и в 1908 г. суд признал их торговый дом несостоятельным¹⁰.

Участие купечества в винокуренном производстве стало вновь возможным с введением «Положения о питейном сборе» от 4 июля 1861 г. Провозгласив, что «все лица, имеющие право на заводскую и фабричную промышленность, могут брать в аренду винокуренные заводы», оно ликвидировало монополию помещиков в винокурении¹¹.

По данным П. Г. Сумерина, до реформы 1861 г. все винокуренные заводы в Пензенской губ. принадлежали помещикам. В первые пореформенные десятилетия преобладание дворянского винокуренного предпринимательства сохранялось; в дальнейшем до начала XX в. наблюдается увеличение доли купечества, а затем — вновь рост дворянской деловой активности (см. табл. 2). Данный процесс был обусловлен возросшей прибыльностью переработки продукции сельского хозяйства на вино, чем землевладельцы не преминули воспользоваться.

Социальная структура винокуренной промышленности Пензенской губ.¹²

Годы	Доля сословий в процентном соотношении		
	дворянства	купечества (в том числе почетных граждан)	крестьянства
1861	91,4	8,6	—
1870	71,6	26,4	—
1882	44,8	55,2	—
1890	44,4	55,6	—
1900	63	20	2
1913	67,2	18,9	5

Винокуренное предпринимательство являлось весьма привлекательной сферой приложения коммерческой инициативы. Об этом свидетельствует структура занятости пензенского купечества в 1868–1869 гг.¹³ В частности, содержанием промышленных предприятий занималось 43 чел., из них большинство — 12 (27,9 % от общего числа) — связали свою деятельность именно с винокурением.

Хотя в целом правительственная политика в отношении винокурения носила продворянский характер, купечество также имело немалые возможности для извлечения прибыли из данной отрасли благодаря природно-климатическим условиям, умеренному налогообложению и устойчивому рынку сбыта.

Примечания

¹ Волков М. Я. Очерки истории промыслов России: Вторая половина XVII — первая половина XVIII в.: Винокур. пр-во. М., 1979. С. 84, 266.

² Подробнее см.: Гавлин М. Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи: XVIII–XIX вв. // Экономическая история: Обзорение. М., 2007. Вып. 13. С. 127–139.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 17. № 12448.

⁴ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... СПб., 2004. Т. 1. С. 395.

⁵ Похлебкин В. В. История водки. М., 2007. С. 205–206.

⁶ Записки Ивана Ивановича Мешкова (1767–1832) // РА. 1905. № 6. С. 209.

⁷ Там же. С. 225–226.

⁸ ГАПензО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359; Левин В. И. Очерк истории пензенского еврейства // Краеведение. 1998. № 3/4. С. 38–39.

⁹ Тюстин А. В. Пензенское купечество как социальный слой: Вопросы истории формирования // Земство: Архив провинц. истории России. 1994. № 3. С. 61.

¹⁰ Тюстин А. В. Во благо Отечества: Из истории предпринимательства Пенз. губ. М., 2004. С. 376.

¹¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. № 37197.

¹² Подсчитано по: ГАПензО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3887, 3985, 4858, 5707, 7326; Ф. 9. Оп. 1. Д. 497; Ф. 158. Оп. 3. Д. 5454.

¹³ Составлено по: Памятная книжка Пензенской губернии за 1868 и 1869 годы... Пенза, 1869. С. 80–111.

О. Е. Думенко

**ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ ОСИРОТЕВШИХ ГОРОЖАН
(по материалам Тверского сиротского суда
последней четверти XVIII — начала XIX в.)***

Торговая деятельность является неотъемлемой частью предпринимательства. В условиях интенсивного развития рыночных отношений в современной России изучение истории торговли является особенно важным и актуальным. Интерес к этой проблеме обусловлен также характерной для современной исторической науки ориентацией на социальную историю и историю повседневности¹, в рамках которых вырабатываются новые подходы и взгляды на различные социальные феномены, в том числе предпринимательство.

Понятие торговли в отечественной историографии XX в. традиционно тесно связывалось с городским пространством. Так, Я. Е. Водарский выделял два главных критерия города: торгово-промышленные занятия жителей и наличие посадской общины². Таким образом, изучение истории торговли невозможно без обращения к документам, сформированным в городской среде.